

А. ШОПЕНГАУЭР В «ДВУХ ПИСЬМАХ О ЗНАЧЕНИИ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ В НАШЕМ ВОСПИТАНИИ» ФЕТА

Социофилософско-педагогическое эссе А. А. Фета «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», опубликованное в 1867 году в «Литературной библиотеке»,¹ непосредственно связано с полемикой о реальном и классическом образовании, развернувшейся тогда в России. Контекст этой полемики и позиция Фета по данному вопросу освещены в статье Н. П. Генераловой,² которая, кроме того, убедительно показала, что эта работа самым тесным образом связана с педагогической дискуссией Фета и И. С. Тургенева, а адресатом «Писем» является сам Тургенев. Вместе с тем «Два письма...» представляют собой не только развитие дискуссии с Тургеневым и полемический отклик на аргументы, высказанные в печати в пользу реального образования, но и самостоятельную работу, в которой Фет обозначил свою позицию по ряду принципиальных вопросов, касающихся воспитания и образования. При этом и сама позиция Фета, и, как будет показано ниже, аргументы, которые он высказывает в пользу классического образования, напрямую связывают его эссе с «*Parerga und Paralipomena*» А. Шопенгауэра.³

¹ См.: Литературная библиотека 1867. № 7–8. С. 48–69; № 9 С. 298–316. См. также: *Фет. ССЛП*. Т. 3. С. 274–307.

² *Генералова Н. П.* Об адресате «Двух писем о значении древних языков в нашем воспитании» А. А. Фета // *РЛ*. 2006. № 1. С. 274–276.

³ *Schopenhauer Atrhur*. *Parerga und Paralipomena*. Leipzig, 1851. Далее: *Parerga und Paralipomena*.

Выше жанр «Двух писем...» был определен как социофилософско-педагогическое эссе. Такое определение соответствует общему направлению мысли Фета, однако далеко не все тезисы этой работы укладываются в него. Первое «Письмо» представляет собой довольно эклектичный ряд социофилософских, эстетических и гносеологических тезисов, излагающих в сжатой, афористичной форме некоторые положения немецкой классической и романтической философии. Воедино эти тезисы связывает мысль о трех возможных путях ответа на «врожденный запрос бесконечного»,⁴ поиск «удовлетворения врожденной жажде истины»,⁵ которые предлагают религия, искусство и наука. Вопрос о религии Фет закрывает сразу же и уже не возвращается к нему.⁶ Основное внимание он уделяет искусству и науке как двум разным, противоположным, но в конечном итоге сходящимся воедино путям ответа на этот вопрос. Аргументы Фета направлены не против естественных наук как таковых, хотя они, в отличие от искусства, и обращаются за ответами к «внешней природе», а против специализации знания и обучения, которая препятствует формированию самостоятельности мышления.

Второе «Письмо» Фета посвящено вопросу разграничения образования и воспитания, а также проблеме «всеобщего образования». Если в первом «Письме» Фет признает, что главная задача воспитания — «провести неопытный ум через ту духовную гимнастику, посредством которой самостоятельный мыслитель дошел до известного результата»,⁷ то во втором «Письме» воспитание он понимает в узко-этнографическом смысле и рассуждает как этнолог-позитивист. Воспитание, по мысли Фета, представляет собой «постепенное приравнение еще неразвитого индивидуума к той среде, в которой ему предназначается самостоятельно вращаться».⁸ Человека воспитывает среда — «низкая притолока, тонкий лед, предание, обычай, вера, положительный закон, пример других и, наконец, образование»,⁹ — и поэтому воспитание может быть только национальным. Иными словами, воспитание для Фета — это формирование социальной и культурной идентичности внутри определенной социокультурной общности. Формы таких общностей многообразны, и поэтому идеал воспитания «бесконечно подвижен».

⁴ Фет. ССДП. Т. 3. С. 277.

⁵ Там же. С. 278.

⁶ Там же. С. 277–278.

⁷ Там же. С. 276.

⁸ Там же. С. 292.

⁹ Там же. С. 293.

Воспитанию в этом смысле слова Фет противопоставляет концепцию «всестороннего образования», которое восходит к античной (греческой) культуре и через римскую культуру завещано Европе. Это противопоставление основано на идеализации греческого идеала «всесторонней культуры»,¹⁰ а вместе с ним и европейского образования.

Тезис, сформулированный в названии «Двух писем...», не раскрыт в них напрямую. Только завершая первое «Письмо», Фет упоминает о значении классических языков для науки и образования Европы. Второе «Письмо», по сумме высказанных в нем мыслей, посвящено обоснованию концепции «всеобщего воспитания», но никак не обоснованию необходимости изучения древних языков. Для Фета связь между одним и другим бесспорна, а «всестороннее образование» и изучение древних языков — синонимы.

Цель «Двух писем...», заявленная в названии, — обоснование необходимости изучения древних языков — достигается не столько за счет прямого разъяснения этой необходимости, сколько путем философско-афористичного обоснования необходимости для всесторонне образованного человека быть сопричастным античности как типу мышления, искать ответ на «врожденный запрос бесконечного», специализируясь в практически-ориентированных, узких областях знания, тем не менее видеть их место в философско-мировоззренческой системе, видеть истинное, а не только целесообразное.

Эти основные мысли, философско-афористический нарратив, виртуозное владение которым демонстрирует Фет, и идея о необходимости изучения древних языков для «всеобщего гуманитарного образования» напрямую связывают «Письма» Фета с эссе Шопенгауэра, собранными под общим названием «*Parerga und Paralipomena*», точнее, со вторым томом этого сочинения, куда вошли, в частности, такие работы, как «О языке и словах», «Об учености и ученых», «О книгах и чтении» и «О самостоятельном мышлении».

В своих размышлениях Шопенгауэр неоднократно обращается к вопросу об изучении древних языков. Его мысли на эту тему в совокупности представляют собой довольно стройную систему и высказаны столь эксплицитно, что в английском переводе «*Parerga und Paralipomena*» появился отдельный раздел (отсутствующий в немецком издании), озаглавленный «Об изучении латинского языка» («*On the Study of Latin*»),¹¹ куда вошли фрагменты из ряда других эссе.

¹⁰ Там же. С. 293–295.

¹¹ Complete Essays of Schopenhauer. New York: Willey Book Company, 1942.

В рассуждениях немецкого мыслителя и Фета можно найти много общего. Аргументация, направленная на обоснование значения изучения древних языков, в «Письмах» Фета представлена лишь одним тезисом. По мысли Фета, воспитание «всесторонне-образованного человека», «не попугая европейской культуры», а человека, «самобытно ей сопричастного», возможно только через изучение древних языков: «Если такова действительно ваша цель, то на каком же основании вы отнимаете у воспитанника единственное средство самобытной сопричастности этой культуре — знание древних языков?».¹² Эта сопричастность для Фета означает «самобытность деятельности ума», в этом состоит для него суть «всестороннего образования». Химия, физика, ботаника, математика и даже изучение современных европейских языков не могут заменить изучения древних языков именно в силу того, что они не могут «возбудить самобытную деятельность ума».

Лучший способ овладеть новейшими языками, согласно Фету, — механическое заучивание фраз.¹³ Этот способ неприменим к древним языкам: «Не тот овладел латинским или греческим языком, кто запомнит наибольшее количество вокабул и фраз, а кто путем умственного труда и самостоятельного мышления вдумался в совершенно чуждый строй и порядок представлений. Употребление малейшей частицы связано со строго логическим отчетом перед самим собою. Вот где скрывается трудность изучения древних языков и незаменимая заслуга их в деле умственного образования».¹⁴ Таким образом, не древние языки как носители античных идеалов образования и науки, которые хранит Европа, а древние языки как логическая задача, как умственное упражнение важны для образования. Важным для Фета оказывается сам строй языка, который требует «логического отчета перед самим собой».

Подобным образом рассуждает и Шопенгауэр. Приведенная выше мысль Фета является, по сути, парафразой тезиса из эссе Шопенгауэра «О языке и словах»: «...при изучении иностранного языка мы должны разметить в своем сознании границы новых представлений: как следствие изучения иностранного языка в сознании возникают новые понятийные сферы (Begriffssphären). Таким образом, мы узнаем не просто новые слова, мы приобретаем представления. Это особенно относится к изучению древних языков, так как способ выражения мыслей у древних отличается от нашего значительно больше, чем способы выраже-

¹² *Фет. ССУП.* Т. 3. С. 305.

¹³ Там же. С. 303–304.

¹⁴ Там же.

ния мыслей в современных языках». ¹⁵ Эту мысль Шопенгауэр повторяет многократно и развернуто обосновывает на многочисленных примерах. Об изучении латыни он говорит, в том числе, и как о способе развития мышления, «упражнении для ума». ¹⁶

Наиболее полное воплощение эти мысли находят в тезисах о значении древних языков для мышления и образования: «Не знать латинского языка это все равно что оказаться в прекрасной местности в туманный день. Горизонт очень близко. Ничего не увидеть ясно кроме того, что находится в непосредственной близости; в нескольких шагах все теряется в неопределенности. Горизонт латиниста широк, он простирается от нового времени через средние века до античности. Знание греческого или даже санскрита раздвигает горизонт еще шире». ¹⁷

Сравнение древних языков с новыми оказывается не в пользу последних. Новые языки Шопенгауэр неоднократно, и не только в цитируемом эссе, называет жаргонами: «Как известно, языки, особенно в отношении грамматики, тем совершеннее, чем они старше, и постепенно становятся все примитивнее, по нисходящей, от высокого санскрита к английскому жаргону, этому скомпилированному из разнородных лоскутов одеянию мысли». ¹⁸ Такая оценка новых европейских языков, отношение к ним как к жаргонам, которые, в отличие от древних языков, не способны полноценно выражать философскую мысль, находят выражение в тезисе Фета о том, что изучение новых европейских языков не может заменить изучения древних языков: «Новейшие языки? Но лучший способ научиться им — практический, т. е. тот, которым учат попугаев повторять ту же фразу на нескольких языках». ¹⁹ Общим для Фета и Шопенгауэра является само противопоставление древних и новых языков по признаку их совершенства.

Еще в большей степени совпадает ход мысли Фета и Шопенгауэра в рассуждениях о переводе. В эссе «О языке и словах» Шопенгауэр неоднократно касается вопроса перевода с латыни и на латынь, и этот вопрос для него тесно связан с изучением языков. Он пишет: «...для того чтобы передать мысль на латыни, ее нужно переплавить и отлить заново; при этом мысль распадается на первичные элементы, которые в переводе перекомпонуются. В этом и состоит польза изучения древ-

¹⁵ *Parerga und Paralipomena*. Bd 2. S. 603. Здесь и далее перевод мой. — А. А.

¹⁶ *Ibid.* S. 605.

¹⁷ *Ibid.* S. 606.

¹⁸ *Ibid.* S. 599.

¹⁹ *Фет. ССул.* Т. 3. С. 303.

них языков для мышления (Geist²⁰). Только после того как усвоены все понятия, выражаемые в изучаемом языке отдельными словами, когда каждое слово оказывается связанным в сознании с называемым им понятием непосредственно, а не через перевод этого слова на родной язык, — ведь таким образом понятие изучаемого языка оказывается опосредованным понятием родного языка, а эти понятия не совпадают, что верно не только для слов, но и для фраз; только тогда можно познать дух (Geist) языка и сделать большой шаг к пониманию нации, которая на нем говорит». ²¹ Мысли Фета о переводе в первом «Письме» перекликаются с мыслями Шопенгауэра. Особенно это очевидно при сопоставлении рассуждений Шопенгауэра и Фета о несовпадении объема значений слов, выражений. Говорит Шопенгауэр, в частности, и о внутренней форме глагола *stehen*, в сравнении с его французским эквивалентом. ²² Не эти ли мысли подсказали Фету его известный афоризм, в котором он обнаруживает «целую бездну» между представлениями, стоящими за выражениями «город городится» и «die Stadt steht»? ²³

И все же не тезисы о значении древних языков для образования в наибольшей степени роднят рассуждения двух мыслителей. В этом отношении или, во всяком случае, в отношении рассуждений о переводе можно говорить о простом совпадении их позиций или об общности теоретических предпосылок, ведь подобные представления вообще характерны для немецкой романтической мысли. Наиболее убедительным доказательством связи «Писем» Фета и эссе Шопенгауэра является общность «формулы», связывающей воедино представления о «всеобщем гуманитарном образовании» (воспитании) ²⁴ (*allgemeine Humanitäts-*

²⁰ Шопенгауэр употребляет слово *Geist* в гумбольдтианском смысле — это одновременно и мышление, и сознание, и дух как некая совокупность представлений. На русский язык оно, по сложившейся традиции, передается и словом «мышление», и словом «дух», в зависимости от контекста.

²¹ *Parerga und Paralipomena*. Bd 2. S. 605.

²² *Ibid.* S. 602.

²³ Идея о воплощенных в языке представлениях, которую Фет высказывал неоднократно, связывает строй его мысли, с одной стороны, с гумбольдтианством, а с другой — с идеями А. А. Потебни, который, по мнению Г. О. Винокура, мог бы позаимствовать формулировку Фета (*Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку*. М., 1959. С. 249).

²⁴ Особого внимания заслуживает терминология, которой пользуется Фет. Понятие «*Bildung*», к которому прибегает Шопенгауэр, означает одновременно и воспитание и образование, которые Фет разделяет, но которые совмещаются, в соответствии с его мыслью, в «высшем круге» воспитания. Это совмещение и дает в конеч-

bildung), древних языках и вреде, который наносит образованию и знанию в целом их специализация. Оба мыслителя сходятся во мнении, что всеобщее гуманитарное образование требует знания древних языков, а специализация знания и, так сказать, «разделение языков» науки (у Шопенгауэра речь идет и о «разделении» европейских языков) ведут к «изгнанию» классических языков из образования и в конечном итоге к отказу от всеобщего образования.

О специализации знания и, как следствие, специализации образования Фет и Шопенгауэр говорят неоднократно. В ряде случаев совпадает не только общая логика рассуждений мыслителей, но и конкретные аргументы:

А. Шопенгауэр	А. А. Фет
<p>...узкоспециализированный ученый уподобляется фабричному рабочему, который всю свою жизнь не делал ничего, кроме одного специфического винтика, крючка или ручки для какого-нибудь конкретного инструмента или механизма, и в этом он, без сомнения, достигает наивысшего мастерства. Узкоспециализированного ученого можно сравнить с человеком, который никогда не выходит из собственного дома. В доме ему известно совершенно все, каждая лесенка, каждый угол, каждая балка <...> Гуманитарное воспитание (образование) (Bildung zur Humanität), напротив, требует разносторонности (универсальности) и широкого охвата и, таким образом, ученость в высшем смысле требует всеобщего знания (Polyhistoria²⁵). Кто же хочет стать философом вполне, должен свести воедино самые отдаленные ветви человеческого знания, иначе им никак не сойтись. Лучшие представители мысли никогда не</p>	<p>...загляните на оружейный завод: один делает только ложе, другой только пружины, гайки, винты и т. д., и каждый в своем деле необходим, каждый может сказать в нем новое, небывалое слово и завещать его всему миру; без каждого из отдельных тружеников не выйдет никакого ружья. <...> При разделении труда легко может быть, что на отдаленном горном заводе первостатейный специалист по части рельсов во всю жизнь не увидит железной дороги и не имеет ясного понятия об общем ее устройстве; это обстоятельство несколько не мешает ему стоять на высшей ступени своей специальности и даже двигать ее вперед. <...> Все сказанное нами о материальном разделении труда вполне приложимо к делу науки. Во всеобъемлющей ее лаборатории только философ-мыслитель стоит на вершине громадной пирамиды разделенного труда. Только он один, снабжен-</p>

ном итоге значение немецкого «Bildung». Понимая недостаточность для своей аргументации терминов «образование» и «воспитание», Фет использует латинский термин *humaniora* и в одном случае передает его на русский язык выражением «общеобразовательное воспитание», в другом использует термин «всестороннее развитие».

²⁵ В средние века термином *polyhistoria* обозначалась сумма знаний данной эпохи.

станут узкими специалистами. Предмет их внимания — проблема бытия как такового, и каждый из них в той или иной форме дает о нем человечеству новые сведения. ²⁶	ный последними словами отдельных деятельностей, задает вопросы всему мирозданию, только он имеет на то возможность, а следовательно, и право. ²⁷
--	---

В контексте эссе Шопенгауэра «Об учености и ученых» этот тезис напрямую связан с изучением древних языков. Ему предпослана мысль о том, что, наряду со специализацией знания, именно пренебрежительное отношение к изучению древних языков обусловило снижение значения и даже отказ от всеобщего гуманитарного образования (воспитания): «А если к этому (к специализации знания. — *A. A.*) добавить еще и то, что сегодня все чаще недооценивают значение изучения древних языков, изучать которые только наполовину не имеет смысла, и что в результате упраздняется всеобщее гуманитарное образование, то скоро мы увидим ученых, которые за пределами своей специальности будут настоящими болванами».²⁸

У Фета и Шопенгауэра мысль о непосредственной связи специализации знания, образования и деятельности «обрастает» многочисленными примерами и афоризмами, при этом значительная их часть совпадает по общему ходу мысли, а иногда и в конкретных примерах. Разумеется, нельзя говорить о том, что Фет «списал» свои статьи с Шопенгауэра, скорее он переосмыслил тезисы немецкого мыслителя с учетом конкретной полемики и российских реалий. Тем не менее «совпадений» в размышлениях Фета и Шопенгауэра множество, и они выходят за рамки указанной «формулы». Тезисы Фета о книге как «краеугольном камне известного мирозерцания» и о «книжном образовании», о самостоятельности и «гибкости» мышления, отдельные метафоры и образы напрямую связаны с эссе Шопенгауэра. Можно говорить о многократном микроцитировании и текстуальных отсылках на работы немецкого мыслителя.

С учетом всей совокупности таких «совпадений» бесспорной представляется интертекстуальная связь «Писем» Фета и эссе Шопенгауэра. Это тем более удивительно, что Фет лишь дважды упоминает Шопенгауэра, а «*Parerga und Paralipomena*» цитирует всего один раз²⁹ и что

²⁶ *Parerga und Paralipomena*. Bd 2. S. 520.

²⁷ *Фет. ССUII*. Т. 3. С. 285–286.

²⁸ *Parerga und Paralipomena*. Bd 2. S. 520. В переводе Ф. В. Черниговца в этом фрагменте выпущено слово *allgemeine* — всеобщее.

²⁹ Завершая первое письмо, Фет также ссылается на мнение Шопенгауэра: «Шопенгауэр — этот заклятый враг педантизма и педантов, отравивших жизнь его,

мысль, на которую ссылается Фет, не связана с изучением древних языков, всеобщим гуманитарным образованием или специализацией знания, то есть с базовой «формулой», роднящей размышления двух авторов. Во втором «Письме» Фет неточно воспроизводит мысль из эссе «О книгах и чтении»: «Требовать от человека, — говорит Шопенгауэр, — чтобы он хранил в памяти все прочитанное, — то же что требовать, чтобы он сохранил в желудке всю принятую в жизни пищу. Посредством всего мною прочитанного я сделался именно тем, что я есть». Этой цитатой Фет иллюстрирует свою мысль о том, что «в деле европейского образования известные данные наук менее важны как факты, чем как орудия умственной гимнастики».³⁰ Речь у Шопенгауэра, однако, идет о том, что из книг человек «усваивает» только то, что попадает в круг его интересов, и что «бездумное» чтение в конечном итоге отупляет человека. Не менее странным представляется и тот факт, что в первом «Письме» для подтверждения мысли о том, что естественные науки не могут полноценно развиваться без философских обобщений и что «специальный закон может быть выведен совершенно ложно только на том основании, что специалист недостаточно развит в деле логического мышления и смешал два сходных, но принадлежащих к разным областям понятия», Фет апеллирует не к Шопенгауэру (подобные тезисы сформулированы в «*Paregga und Paralipomena*»), а к ботанику М.-Я. Шлейдену.³¹ Однако и мысль Шлейдена, вырванная из контекста, приобретает у Фета несколько иной смысл.

Почему Фет, при очевидном совпадении точек зрения по ключевым, принципиальным для «Двух писем...» вопросам, не ссылается напрямую на эссе Шопенгауэра? Ответ на этот вопрос очевиден. Шопенгауэр столь же критично и с тем же, если не с большим сарказмом относится к европейскому образованию и к европейской науке, с которым Фет относится к российским. Критика Фета, в отличие от критики Шопенгауэра, построена на идеализации европейского образования, которое, по его мысли, наследовало античные идеалы.

Таким образом, критика Шопенгауэра и Фета, реализуемая в фактически идентичных аргументах, имеет совершенно разные объекты. Если бы Фет напрямую сослался на эссе Шопенгауэра, то ему бы неизбежно

говорит: знакомиться с философом по профессорским лекциям — то же, что узнавать оперу по рассказу о ней» (*Фет. ССUII*. Т. 3. С. 292), однако такой цитаты в его работах мне найти не удалось.

³⁰ *Фет. ССUII*. Т. 3. С. 295.

³¹ Там же. С. 291.

пришлось объяснять критическое отношение немецкого мыслителя к европейскому образованию, объяснять, почему Шопенгауэр ошибается в своих суждениях, так как о европейском образовании он говорит ровно то, что Фет — о российском. В сущности, мысли Шопенгауэра об образовании и науке Европы напрямую опровергают краеугольный камень аргументации «Писем» Фета — идеализацию европейского всеобщего образования, образования, которое «не требует во что бы то ни стало специальности».³² Различие объектов критики, тем не менее, никак не противоречит общности аргументации и логике реализации этой аргументации в «Двух письмах...» Фета и эссе Шопенгауэра.

Значение изучения древних языков для Шопенгауэра состоит в том, что их понятийный строй, их способность выражать мысль намного превосходят «жаргоны» европейских языков, и само их изучение является упражнением для ума. Латынь, согласно Шопенгауэру, это международный язык ученых, всеобщий язык, который избавляет от необходимости усваивать понятийные системы европейских языков. Использование национальных языков, «размежевание границ языка», ведет к непониманию, невозможности сделать мысль всеобщим достоянием, и переводы не решают проблему, так как они являются «суррогатом всеобщего языка ученых». Иными словами, аргументация Шопенгауэра сугубо лингвистическая: античные языки, в силу превосходства своего строя, важны как средство научного общения. Для Фета древние языки также важны прежде всего своим понятийным и грамматическим строем, а их изучение — форма «умственной гимнастики». Однако, не противопоставляя их напрямую несовершенным европейским языкам, а тем более русскому языку, Фет обосновывает их значение как проводников античного мировоззрения, античной концепции «всеобщего образования», наследованного Европой, и таким образом переводит аргументацию в историко-культурную плоскость. Эта особенность аргументации составляет принципиальное отличие позиции Фета от позиции Шопенгауэра, и именно на обоснование генетической связи европейского и античного «всеобщего образования» в значительной степени направлены усилия Фета.

При этом его рассуждения об античном всеобщем образовании и воспитании противоречивы. Он, в частности, то принципиально разграничивает понятия «греческая культура» и «греческое образование», то отождествляет их. Фет неоднократно повторяет мысль о том, что Древняя Греция вынесла «на свет Божий атмосферу всесторонней культуры»,

³² Фет. ССчП. Т. 3. С. 295.

завещала римлянам и Европе «откровение всестороннего образования», «прометеевский огонь всестороннего образования».³³ «Классическая древность завещала нам драгоценные плоды своей культуры <...>», — провозглашает Фет, но тут же утверждает, что «завещать можно только плоды образования, а такую отвлеченность, как культура, — нельзя».³⁴ При этом Фет не проясняет, в чем состоит различие между «всесторонней культурой» и «всесторонним образованием». В конечном итоге не вполне ясно и какое значение Фет вкладывает в понятие греческого «всестороннего образования». Восхищаясь греческой культурой, Фет лишь отмечает, что «взор грека с одинаковым участием обращался ко всему мирозданию»³⁵ и что «Пифоны» современности не могут простить древней культуре «благоговения перед высшими проявлениями духа: наукой и искусством».³⁶

Отношение Фета к греческой культуре может быть лучше всего определено формулировкой В. Виндельбанда — это «неогуманистическая идеализация греческого мира», которая восходит к Ф.-А. Вольфу и В. Гумбольдту и продолжает развиваться в идеях Шиллера, Гёте, Ф. Шлегеля, Гельдерлина. Слова Виндельбанда, которыми он охарактеризовал это направление в своей лекции, озаглавленной «Эстетическо-философская система воспитания», могут быть в полной мере отнесены и к Фету: «И вот перед немецким духом всплыл еще раз как историческая *fata morgana* греческий мир во всем великолепном сиянии высшего совершенства. Идеал чистого человечества, гармония всех задатков человеческого существа, преодоление противоположности чувственной и сверхчувственной природы, идеал общей духовной жизни, в которой каждый индивид при наибольшем росте своего своеобразия представлял бы все-таки всю общность и переживал бы внутренне вместе с другими все происходящее, — этот идеал наивысшего развития, которого не давало настоящее, должен был все-таки когда-то действительно существовать».³⁷

Лучше всего отношение Фета к греческой культуре выражено афоризмом о том, что Пифон находится в нас самих и что современному человеку необходимо убить Пифона в себе. Это, тем не менее, не делает

³³ Там же. С. 294.

³⁴ Там же. С. 296.

³⁵ Там же. С. 294.

³⁶ Там же. С. 297.

³⁷ *Виндельбандт В.* Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 305–306.

более понятным, что именно Фет вкладывает в понятие «всеобщее образование» в отношении греческой культуры.

Содержание понятия «всеобщее образование» проясняется в противопоставлении европейского образования — наследницы древнего мира — и всех других форм образования. Здесь речь идет, прежде всего, о концепции реального образования: «Идеал европейского образования есть всестороннее развитие человека. В этом — его существенное различие от всех остальных идеалов образования. <...> Факт всемогущества Европы, блистающей во всеоружии всестороннего образования — у всех перед глазами». ³⁸ Преимущество всеобщего европейского образования, по мнению Фета, состоит в том, что оно «не требует во что бы то ни стало специальности». ³⁹

Последовательный неогуманизм Фета заставляет его связать с идеалом «всестороннего образования» и все практические успехи европейской культуры: «Материальные плоды нравственного общения Европы с древним миром — на глазах у всех». ⁴⁰ Благодаря «всестороннему образованию, непосредственно заимствованному у древнеклассического мира», ⁴¹ европейцы достигли силы и процветания, сумели достичь того, чего они не смогли добиться крестовыми походами: «Мыслимо ли теперь, при всестороннем развитии сил Европы, какое бы то ни было сопротивление любой восточной народности соединенным силам Европы? Ежедневный опыт показывает, что горсти европейцев достаточно для покорения целых сектаторских народов». ⁴² «Только благодаря бесценному завещанию классического мира, благодаря прометеевскому огню всестороннего образования — Европа является тем, что она есть — главою и повелительницей всего света, какою в свое время была Римская империя». ⁴³ Именно эти рассуждения, составляющие важнейший компонент аргументации Фета, противоречат тезисам Шопенгауэра об упадке европейской мысли и культуры. В остальном аргументы Фета и Шопенгауэра совпадают.

Если у немецкого мыслителя необходимость изучения древних языков непосредственно связана с проблемой развития знания, то в концепции Фета эта связь опосредована историко-культурными аргументами

³⁸ *Фет. ССУП*. Т. 3. С. 295.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 300.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 294.

о мировоззрении древних греков. Свести воедино лингвистические и историко-культурные аргументы Фету так и не удастся. Рассуждая во втором «Письме» о значении изучения древних языков, Фет не проясняет вопрос о том, что собой представляет «совершенной чуждый строй и порядок представлений», который будет усвоен при изучении древних языков, и почему именно он так важен для «всестороннего образования», почему именно через него можно оказаться сопричастным европейской культуре. И напротив, обосновывая и разъясняя неогуманистическую идею «всестороннего образования», провозглашенную греческой культурой, Фет не говорит о том, почему эту концепцию можно постичь только через древние языки. Воедино все эти аргументы «стягивает» название «Двух писем...». В конечном итоге важнейшим, если не единственным достоинством концепции «всеобщего образования», усвоенным идеализированной Фетом Европой, оказывается то, что европейское образование не требует специальности — аргумент, напрямую направленный против реального образования.